

RU

Аграрный строй Маньчжурии и русский фактор в становлении и модернизации аграрно-промышленной сферы региона в первой трети XX в.

Белоглазов Г. П.

Аннотация. Цель статьи - анализ проблемы модернизации аграрного комплекса Северо-Восточного Китая (Маньчжурии) в контексте трансформации традиционных аграрных структур региона в период рубежа Нового и Новейшего времени, а также оценка роли и влияния русского фактора в данном процессе. Научная новизна исследования определяется малоизученностью проблемы, введением в научный оборот новых фактических материалов и интерпретацией фактов с позиции современного видения исторического опыта аграрных преобразований в Китае и России. Полученные результаты свидетельствуют о ведущей роли русского фактора в модернизации аграрной сферы региона и формировании мелкотоварного уклада в процессе её эволюции.

EN

Agrarian System of Manchuria and Russian Factor in Formation and Modernisation of the Region's Agrarian and Industrial Complex in the First Third of the XX Century

Beloglazov G. P.

Abstract. The article analyses the issue of modernisation of Northeast China's (Manchuria's) agrarian system in the context of transforming traditional agrarian structures of the region on the cusp of the modern and contemporary periods. Role and influence of the Russian factor in this process are assessed. Scientific novelty of the study lies in the fact that the issue is under-researched as well as in introducing new factual material into scientific use and interpreting facts from the standpoint of the contemporary view on historical experience of agrarian transformations in China and Russia. The attained results attest to the fact that the Russian factor played the leading role in modernisation of the region's agrarian complex and formation of a small-scale economic structure in the process of its development.

Актуальность обусловлена современными условиями реформирования аграрного комплекса России и Китая и поиском путей его наиболее оптимального развития. Изучение различных аграрных концепций в истории двух стран представляет научный и практический интерес, так как позволяет по-новому взглянуть на историю трансформаций в аграрной области и современные интеграционные процессы взаимодействия в российско-китайском трансграничье.

Поставлены следующие **задачи**: 1) изучить процесс китайской и русской колонизации Маньчжурии и создание нового социально-экономического уклада в маньчжурской деревне; 2) отразить процесс формирования новых производственных отношений в аграрно-промышленной сфере региона; 3) определить роль русского фактора в трансформации местного земледельческого производства.

Методы исследования. Автор рассматривает Маньчжурию (Северо-Восточный Китай) как зону исторических контактов носителей азиатской и европейской культур при исследовании традиционных азиатских крестьянских обществ в их историческом развитии и пользуется общецивилизационным подходом к изучению данного исторического процесса. Модель преобразований аграрной сферы в Маньчжурии несла в себе атрибуты, институты, теоретические постулаты и идеи, базировавшиеся на формационном подходе к историческому процессу. Анализ, позволяющий оценить трансформацию аграрного строя Маньчжурии, его динамику,

вариативность и возможные модели складывающихся крестьянских объединений и сообществ в этом специфическом регионе Китая проводился с помощью системно-синергического метода.

Теоретическая база исследования основывается на источниках официального характера, статистических сведениях, опубликованных в специальных сборниках и периодических изданиях (бюллетени, журналы) на русском, китайском и английском языках, материалах из научных трудов советских и российских исследователей по аграрной проблематике и социальной структуре китайской деревни северо-восточного региона Китая.

Практическая значимость работы определяется возможностями использования результатов исследования в разработке лекционных курсов по аграрной проблематике для студентов вузов, а также при написании трудов по социально-экономической истории дальневосточных регионов РФ и КНР и монографических исследований по аграрной истории двух стран.

К концу XIX века новые исторические условия – развитие товарного хозяйства, рост внутренней торговли, влияние мирового рынка, зарождение торгово-капиталистических элементов в городской промышленности и сельском хозяйстве Маньчжурии, а также строительство и эксплуатация Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) – привели к упадку и разложению военно-феодального (знамённого) землевладения, существовавшего в этом регионе Китая с середины XVII в. Формирование института частной собственности на землю в Маньчжурии проходило за счёт трансформации знамённых земель, а также самовольного захвата свободных земель переселявшимися из внутренних провинций страны китайцами и распродажи казённого фонда целинных земель в частные руки. Ликвидация знамённого землевладения после Синьхайской революции и рост миграции в регион усилили этот процесс. Если в конце XIX в. только из провинции Шаньдун сюда ежегодно прибывало до 30 тыс. работников, то к середине 1920-х годов – 300-500 тыс. чел., в том числе в Северную Маньчжурию не менее 70-100 тыс. чел. [7, р. 32; 10, р. 50; 19, с. 248]. Лишь незначительная часть отходников-мигрантов оседала в городах или нанималась на временные работы в строительстве, заготовке леса, добыче угля и т.д. Большинство же пришлого элемента находило себе занятие в сфере сельскохозяйственного производства [1, с. 5; 9, р. 835]. Известно, что в 20-е годы XX в. через морские порты и по железной дороге в Маньчжурию ежегодно въезжали более 760 тыс. чел., а выезжали 380 тыс. [16, р. 15]. Таким образом, около половины всего пассажиропотока направлялось сюда на постоянное местожительство. Из них 270 тыс. чел., то есть 75%, становились наемными работниками или батраками, арендаторами или владельцами земли, что свидетельствует о высоких темпах китайской земледельческой колонизации Маньчжурии. Кроме того, земледельческое население северных территорий Маньчжурии пополнялось за счет контингента русских и китайских переселенцев, чьими первоначальными занятиями были торговля, разработка недр и лесных концессий, служба и работа в пристанционных поселках КВЖД.

Эксплуатация КВЖД дала новый импульс распродаже казённых земель в руки индивидуальных владельцев. К концу 1-го десятилетия XX в. институт частной собственности на землю упрочил свои позиции и занял доминирующее положение среди других форм земельной собственности в Маньчжурии. Согласно «Статистическим отчётам» Министерства торговли и земледелия Китая по Хэйлунцзянской провинции за 1918 г. и по Цилиньской за 1920 г., колонизационный фонд Северной Маньчжурии составлял 22 млн шан, или около 1,4 млн га. В начале 1920-х годов почти 2/3 отмеченного колонизационного фонда уже находилось в частном владении, у казны оставалось более четверти учтённых целинных земель с тенденцией постепенного их уменьшения [12, р. 47; 17; 21]. По данным китайского исследователя Чэнь Ханьшэна, в течение 24 лет, с 1905 г. по 1929 г., 95% годной к обработке земельной площади в Хэйлунцзяне перешло в частные руки [7, р. 13; 22, с. 131].

В Маньчжурии свободная купля-продажа земли привела к изменению форм земельной собственности по признаку субъекта их владения и отражала процесс концентрации земли в руках экономически мощных социальных групп деревни – крупных земельных собственников (дичжу), ведущих хозяйство с помощью батраков или сдающих землю арендаторам, а также «кулаков» (фунун – «богатый крестьянин»), ведущих хозяйство самостоятельно или с привлечением наёмных работников. К 1925 г. «помещики»-дичжу владели почти 30% всей пахотной земли в Северной Маньчжурии и более 30% такого же рода земель в Южной, а вместе с «кулацким» землевладением – 52% на севере и почти 60% на юге. В собственности среднего и мелкого крестьянства находилось менее 50% в северной и около 40% в южной части региона. Согласно данным, уже в конце XIX века в Северной Маньчжурии встречались хозяйства, имевшие по 30-50 наёмных работников. Обследование 70 хозяйств Северной Маньчжурии в начале 20-х годов показало, что каждое (из 68) хозяйство в среднем в году обслуживалось более чем тремя работниками [3, с. 33, 35; 19, с. 101]. В Южной Маньчжурии результат обследования тридцати хозяйств крестьян – собственников земли и арендаторов показал, что 75,7% этих хозяйств пользовались наёмными работниками, в среднем на каждый двор приходилось 2,55 чел.; иногда в год нанималось в хозяйства крупных собственников земли до 21 работника [19, с. 102].

К этому времени, по данным Экономического бюро КВЖД, в Северной Маньчжурии было 700 тыс. хозяйств земельных собственников и 300 тыс. арендаторских хозяйств [18, с. 63]. При этом хозяйств земельных собственников высших категорий насчитывалось 100 тыс. (или 10% всех имевшихся здесь хозяйствующих субъектов). На долю фунун приходилось более 20% пахотной земли, большую часть которой обрабатывали сами владельцы. Количество же сдаваемой в аренду земли нивелировалось количеством приарендовываемой. Следовательно, их землевладение было тождественно их землепользованию. В социальной структуре землепользования основная роль принадлежала бедняцким и середняцким слоям, составлявшим 85% сельского

населения и обрабатывавшим 70% посевной площади в Маньчжурии. Хотя степень концентрации сельскохозяйственного производства в регионе находилась на относительно невысоком уровне, но всё же была здесь значительно выше, чем в большинстве провинций Китая. Так, например, удельный вес пахотных земель, занятых крупными хозяйствами в провинции Сычуань, составлял всего лишь 16% [2, с. 48], а в Маньчжурии, по нашим расчётам, 30%. Средняя обеспеченность землёй одного крестьянского хозяйства в целом по Китаю составляла 1,4-1,6 шана [23, с. 285], в провинции Сычуань, где собирали по 2-3 урожая в год, – 2-2,5 шана на один двор, а в Маньчжурии этот показатель был равен 4,8 шана [6, р. 270]. Таким образом, обеспеченность землей одного хозяйства в Маньчжурии в 2 раза превышала это же значение для Сычуани и более чем в 3 раза – по Китаю. К концу 1920-х гг. аграрная обстановка в Маньчжурии определялась наличием двух тенденций в системе землевладения-землепользования: концентрацией обрабатываемого земельного фонда в частной собственности социальной группы – дичжу и фунун и ростом мелкого производства (землевладений). Вместе с тем степень социального расслоения в Маньчжурии не достигла такого предела, как во внутренних провинциях Китая, где привела к обезземеливанию мелкого крестьянства и стала одной из причин стихийных выступлений крестьянских масс в 1925-1927 гг. в Китае.

Определяющее влияние на развитие региона оказывал спрос мирового рынка на местные сырьевые ресурсы, главным образом аграрную продукцию, что сказывалось на росте торгового земледелия. Эта тенденция отразилась в общей структуре иностранной торговли различных районов Китая. Темпы роста торговых оборотов в Маньчжурии значительно увеличились и опережали подобный показатель как отдельно взятого экономического региона, так и всего Китая в целом. Если в 1900 г. торговый оборот Маньчжурии составлял 6% от стоимости всей иностранной торговли Китая, то к 1929 г. он достиг 20%, а весь товарооборот северо-восточного региона с начала XX в. увеличился в 16 раз [11, р. 103]. Специализация Маньчжурии на производстве высокотоварных видов сельскохозяйственных культур – соевых бобов, пшеницы и других злаковых культур – в 20-30-х гг. XX в. стала здесь основной формой торгового земледелия. В поставках соевых бобов на мировой рынок регион занял монопольное положение, достигнув в 1930 г. 60% от всего мирового уровня их производства [13, р. 112; 14, р. 2; 15, р. 110].

Минимальная степень товарности земледельческого производства Северной Маньчжурии составляла в начале 1920-х годов более 45% (25% экспорт + 20% промышленное потребление) [8, р. 4; 15, р. 122]. С учётом всего комплекса других трудноподдающихся обработке и учёту компонентов её следует повысить до 55-60% [5, с. 300; 19, с. 195-196]. В Южной Маньчжурии ввиду высокой плотности аграрного населения и развитости мелкого землепользования, арендных отношений и других факторов степень товарности земледельческого производства была чуть ниже, в пределах 50-55% [20, с. 191]. Высокая степень товарности земледелия Маньчжурии свидетельствовала о зависимости местного крестьянства от рынка и создании благоприятных условий для дальнейшей капитализации аграрной сферы в этом регионе Китая, что ярко проявлялось в широком распространении наёмного труда на территории Маньчжурии как важного показателя становления и развития новых производственных отношений в маньчжурской деревне.

Особую роль в развитии торгового земледелия в Маньчжурии играл фактор русского присутствия в регионе, главным образом строительство и эксплуатация КВЖД, ставший важным элементом товарного уклада в аграрном производстве Маньчжурии и фактором формирования внутреннего рынка с выходом на мировой. Кроме того, нельзя не отметить роль русской диаспоры в деловой, производственной и культурной жизни региона, особенно в 20-е годы прошлого века, когда в результате революционных событий и Гражданской войны в России большой поток российской интеллигенции осел в Харбине и других городах Маньчжурии. В эти годы русское население в Маньчжурии, главным образом по линии КВЖД, значительно возросло, составив, по некоторым данным, 150-200 тыс. чел. (для сравнения: в 1912-1914 гг. – 108-115 тыс. чел.) [4, с. 27], значительно расширились и масштабы влияния русской материальной культуры в регионе. Активным участником процесса изменений традиционного облика китайской земледельческой культуры стал Земельный отдел КВЖД. Работавшие в нём специалисты сельского хозяйства участвовали в создании первоклассной для того времени исследовательской базы – специализированных сельскохозяйственных Центров с рядом опытных полей, где проводились глубокие исследования по адаптации к условиям Маньчжурии новых сортов сельскохозяйственных культур, ранее в регионе не культивировавшихся. Внедрялись неизвестные местному крестьянскому населению новые приемы агротехники, европейские технологии переработки сельскохозяйственной продукции и современные виды агротехники – сеялки, молотилки, сенокосилки, трактора и т.п. В этот период продуктивность аграрного комплекса Маньчжурии значительно повысилась, что вывело его на внешние рынки. Фактически все сферы сельскохозяйственного производства (полеводство, садоводство, животноводство, переработка продукции сельского хозяйства) испытали русское влияние.

На полях китайских крестьян Маньчжурии появились совершенно новые сельскохозяйственные культуры, заимствованные именно у русских. Так, в конце XIX – начале XX в. очень быстро завоевали популярность русские сорта картофеля, помидоров, огурцов, моркови, белокочанной капусты. В повседневном рационе питания местного населения стали использоваться огородные растения русской селекции – лук репчатый, петрушка, салат кочанный, брюква, укроп, хрен, спаржа. Из полевых культур в Маньчжурии акклиматизировали лен, хмель, сахарную свеклу, а также овёс и рожь – культуры, ранее неизвестные местному населению.

Несмотря на возникающие сложности и препятствия, русское земледелие в Маньчжурии прогрессировало, расширялось, проявляя свою жизнеспособность и жизнестойкость. Русский земледелец, имевший опыт

колонизации отдаленных территорий сибирской и дальневосточной тайги, вполне успешно занимался здесь земледелием. Следует учитывать и тот факт, что русская земледельческая культура основывалась на экстенсивных формах хозяйствования. Всестороннее и рациональное использование земельного фонда (пашен, сенокосных угодий, пастбищ) позволяло русским земледельцам создавать и укреплять свое производство, стимулировать становление сельскохозяйственного комплекса европейского типа в крае, естественно-климатические условия которого благоприятствовали развитию этой отрасли хозяйства. Города, поселки и станции Маньчжурии превратились в ёмкий рынок для местной перерабатывающей промышленности. Наибольшее количество предприятий по переработке сельскохозяйственного сырья приходилось на маслобойные, мукомольные и винокурные заводы и фабрики по производству сахара и переработки овощей и фруктов.

В начале 1920-х гг. в связи с возросшим спросом на молочную продукцию Управление КВЖД отдало распоряжение Земельному отделу дороги организовать до десяти масло- и молокоперерабатывающих заводов, поставив, таким образом, производство масла и молочной продукции на промышленную основу. В 1923 г. административные органы КВЖД построили маслобойный завод на станции Аньда (при Аньдинском опытном поле КВЖД) и сыроваренный – в Старом Харбине (ныне район Сянфан). В 1926 г. был пущен в эксплуатацию еще один маслобойный завод на станции Чжаланьтунь как отделение Аньдинского завода при опытном поле. Работа маслобойных и сыроваренных заводов КВЖД, других частных русских молокоперерабатывающих предприятий оказала влияние на становление местной китайской промышленности и товарного животноводства и в целом положительно сказалась на последующем развитии всего животноводческого комплекса Маньчжурии, особенно его мясомолочного направления.

Русским предпринимателям принадлежит и главная роль в организации современной мукомольной промышленности. Первые предприятия этой отрасли появились в регионе ещё в начале XX в. В 1900 г. для удовлетворения спроса русского гражданского и военного населения на муку и хлебобродушки русская фирма «Маньчжурское мукомольное товарищество» построила в Харбине первый крупный мукомольный завод и тем самым заложила основу дальнейшего развития данной отрасли хозяйства. К середине 20-х гг. XX в. в Маньчжурии работало около 50 крупных мукомольных предприятий европейского типа, большая часть которых располагалась на севере региона, где сосредотачивались основные посеы товарной пшеницы и других зерновых культур.

Современные для того времени винокурные и водочные заводы с передовыми технологическими процессами выработки спирта также были основаны русскими предпринимателями и компаниями. Например, завод вблизи Цицикара основала фирма «Сапельников и Ко», известны заводы Шильникова, Кузнецова, Ху Чинтана и Ко недалеко от г. Нингуты, первый русский спиртоводочный завод в Харбине, пущенный в эксплуатацию в 1901-1902 гг., крупный завод М. А. Бородина и ряд других.

Становление сахарной промышленности в Маньчжурии началось в 1908 г., когда на станции Ашихэ (г. Ачэн) и в уезде Хулань русскими предпринимателями были построены два сахарных завода. Заводские мощности требовали значительного количества сырья, но местное сырье – сахарный гаолян – оказалось непригодным для массового производства сахара ввиду его низкого содержания в культуре, а использование привозного сырья – сахарного тростника из Южного Китая и сахарной свеклы (или ее сырца) из России – было нерентабельным из-за высокой стоимости их транспортировки. Учитывая сложившуюся ситуацию, русские агрономы из Земельного отдела КВЖД произвели опытные посадки сахарной свеклы на исследовательских полях железной дороги в окрестностях Харбина и получили хорошо адаптированную к местным условиям культуру. Земельный отдел КВЖД заключил контракты с китайскими крестьянами на посадки сахарной свеклы, снабжал их семенами, знакомил с методами и техникой посадки и выращивания этой культуры.

Большие массивы неводеланных земель, усиливавшееся аграрное давление населения из южных районов Маньчжурии, отсутствие дорог, высокая стоимость рабочих рук в Северной Маньчжурии создали такие условия, при которых дальнейшее развитие земледелия не могло осуществляться без широкого применения современных машин и механизмов, главным образом тракторов. Понимая назревшую необходимость механизации сельского хозяйства, Земельный отдел КВЖД с середины 1920-х годов начал осуществлять первые опытные распахки целинных земель тракторами. Организация таких работ преследовала прагматическую цель – стимулировать частную инициативу к введению в хозяйственный оборот новых земель. Создание механизированных хозяйств привлекало китайских переселенцев в малонаселённые районы, способствовало расширению посевных площадей на территориях, тяготеющих к линии КВЖД, и тем самым увеличило приток сельскохозяйственных грузов на КВЖД.

В 1916 г. в уезде Суйбин в местности Саньцзяфан по инициативе КВЖД появилось опытное хозяйство с двумя тракторами. В 1917 г. три трактора работали в районе ст. Бухэду – на участке Земельного отдела КВЖД, где было распахано 1500 га земли. Вскоре этот тракторный парк увеличился до 10 машин, и уже отсюда тракторные запашки начали распространяться на другие районы Северной Маньчжурии [16, р. 15; 18, с. 359-360].

В середине 1920-х гг., понимая назревшую необходимость модернизации сельского хозяйства (в какой-то мере и под влиянием нэпа в СССР), Земельный отдел КВЖД расширил распахки целинных земель тракторами. К концу 1920-х гг. трактор завоевал популярность среди местных жителей и прибывающих сюда новых поселенцев. Экспериментальные распахки целинных земель, ограниченной территорией вокруг станций Бухэду, Ялу и Харбин, где были задействованы всего 3 трактора, дали хорошие результаты. Вскоре тракторный

парк увеличился до 9 машин, а к концу 20-х годов в районе Бухэду – Аньда уже работало свыше 20 тракторов различных марок [Там же]. В начальный период показательных тракторных распашек заявки на обработку земли тракторами поступали, как правило, от мелких и средних землевладельцев, размер участков которых составлял 7-10 га. С 1928-1929 гг. заказчиками тракторов становятся преимущественно крупные владельцы земель, а также частные китайские компании, которые не только арендовали тракторы у Земельного отдела, но и сами закупали механизированную технику для обработки крупных земельных наделов с предпринимательской целью. Данный факт свидетельствует о всё возрастающем спросе на механизированную технику и росте её популярности среди местного китайского и русского сельского населения. Особо востребованными были такие марки машин, как «Джон-Дир», «Катерпиллер», «Клетрак», «Кейс» и первые советские трактора «ФП» и «СТЗ». Именно Земельный отдел КВЖД сыграл решающую роль в распространении тракторов и другой сельскохозяйственной техники в Маньчжурии.

Таким образом, наметившийся с конца XIX в. процесс социально-экономической эволюции сельского хозяйства Маньчжурии благодаря фактору русского влияния на аграрный комплекс региона получил дальнейший импульс во втором и третьем десятилетиях XX в. Автор приходит к следующим **выводам**.

1. Решающую роль в трансформации традиционного (знаменного) земледелия в регионе сыграли крупномасштабные миграции китайского и русского населения в Маньчжурию в конце XIX – первой трети XX в.

2. В процессе модернизации традиционной структуры аграрного производства в регионе всё большие позиции стал занимать мелкотоварный уклад, создавались реальные условия для мелкобуржуазной эволюции местных сельских производителей. Высокая степень товарности земледельческого производства свидетельствовала о прочном включении крестьянства в частнопредпринимательский рынок.

3. Инновации из русской земледельческой культуры, представленные агрикультурой, наукой и технологией, сыграли базовую роль в трансформации традиционных аграрных структур в Маньчжурии, став доминирующим фактором в формировании аграрной отрасли региона в рассматриваемый период. К этому времени русские поселенцы создали здесь своеобразную зону русского земледелия, передав опыт и внедрив инновации европейской агрокультуры, истоки и влияние которой прослеживаются в аграрном комплексе региона вплоть до настоящего времени.

Список источников

1. Любимов Л. И. Пути колонизации Северной Маньчжурии // Вестник Маньчжурии. 1930. № 9. С. 1-10.
2. Мугрузин А. С. Аграрные отношения в Китае в 20-40-х годах XX века. М.: Наука, 1970. 236 с.
3. Свиягин Н. С. По русской и китайской Маньчжурии от Хабаровска до Нингуты. СПб., 1897. 94 с.
4. Сельское хозяйство в Северной Маньчжурии. 1914. № 10-11.
5. Яшнов Е. Е. Китайское крестьянское хозяйство в Северной Маньчжурии. Харбин: Тип. Кит. Вост. ж. д., 1926. VII+525 с.
6. Buck J. L. Land utilization in China. A study of 16786 farms in 168 localities, 38256 farm families in twenty two Provinces in China 1929-1933. Shanghai, 1937. 494 p.
7. Chen Han-seng. The present agrarian problem in China. Shanghai: Lingnau University, 1933. VIII+144 p.
8. Chinese economic bulletin (Bureau of economic information). 1921-1935. Shanghai: Bureau of foreign trade, Ministry of industry, 1923. № 105.
9. Chinese economic journal. Shanghai: Bureau of foreign trade, Ministry of industry, 1930. Vol. VII. № 2.
10. Chu Hsiao. Manchuria: A Statistical Survey of Its Resources, Industries, Trade, Railways, and Immigration. Tientsin, 1929. 278 p.
11. Etherton C. P., Tiltman H. H. Manchuria: The cocpit of Asia. N. Y., 1932. 337 p.
12. North Manchuria and Chinese Eastern Railway. Harbin: Chinese Eastern Railway, 1924. 692 p.
13. Report on progress in Manchuria 1907-1928. Dairen: South Manchuria Railway, 1929. VII+238 p.
14. Soya Beans in Manchuria. Dairen, 1926. 81 p.
15. The Manchuria year book. 1932-1933. Tokyo, 1932. XIX+530 p.
16. Youg W. C. Chinese colonization and the development of Manchuria. Honolulu, 1929. 272 p.
17. 中国. 农商部. 统计报. 没有出版的地方, 1922. Т. 7 (1918); 1924. Т. 9-10 (1920) (Китай. Министерство торговли и земледелия. Статистический отчёт. Б. м.: Б. и., 1922. Т. 7. 1918; 1924. Т. 9-10. 1920).
18. 中国近代农业史资料. 北京: 人民出版社, 1957. 第二卷 (1927-1937). 1271 页 (Материалы по истории сельского хозяйства Китая в Новое время. Пекин, 1957. Т. 2. 1927-1937. 1271 с.).
19. 北满农业. 哈尔滨, 1928. 312 页 (Сельское хозяйство Северной Маньчжурии. Харбин: Б. и., 1928. 312 с.).
20. 満州の農業. 大連, 1931. 215 页 (Сельскохозяйственное производство в Маньчжурии. Дайрен, 1931. 215 с.).
21. 冯和法. 中国农村经济材料. 在2卷. 上海. 第二卷, 1933. 12+1000 页 (Фэн Хэфа. Материалы по экономике китайской деревни: в 2-х т. Шанхай, 1933. Т. 2. 12+1000 с.).
22. 陈翰笙. 黑龙江流域的农民和地主. 上海, 1929. 227 页 (Чэнь Ханьшэн. Крестьяне и помещики бассейна реки Хэйлунцзян. Шанхай, 1929. 227 с.).
23. 严中平. 中国近代经济统计资料选集 (1840-1948). 北京: 人民出版社, 1955. 383 页 (Янь Чжунпин. Сборник статистических материалов по экономике Китая в Новое время (1840-1948). Пекин, 1955. 383 с.).

Информация об авторах | Author information**RU****Белоглазов Геннадий Петрович¹**, к. ист. н.¹ Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока
Дальневосточного отделения Российской академии наук, г. Владивосток**EN****Beloglazov Gennady Petrovich¹**, PhD¹ Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok¹ beloglazov1@yandex.ru**Информация о статье | About this article**

Дата поступления рукописи (received): 30.09.2020; опубликовано (published): 30.11.2020.

Ключевые слова (keywords): Маньчжурия; аграрный строй; русский фактор; модернизация сельского социума;
Manchuria; agrarian system; Russian factor; modernisation of rural community.